

Рисунок Настасьи Поповой

12. РОДДОМ ГРАУЭРМАНА

После перенесенного потрясения Ваня выздоравливал медленно, ему не хотелось есть, двигаться, общаться с кем-либо. Он лежал под одеялом в позе эмбриона с закрытыми глазами, когда дверь в его комнату тихонько отворилась и на пороге появилась Надя. Она держала на руках толстопузого щенка с большими лапами и умными глазами. Девушка на цыпочках подошла к Ваниной кровати и посадила щенка на подушку напротив его лица. Песик ткнулся мокрым носом в щеку парня и начал ее лизать. Иван открыл глаза, взял щенка, перевернулся на спину и посадил его к себе на грудь. Незванный гость тихонько заскулил и надул достаточно серьезных размеров лужу. И вдруг Иван улыбнулся и сказал:

— Привет, и откуда ты, такое чудо-юдо, взялось? —

Потом повернул голову к Надежде, в нерешительности стоявшей у стены. — Спасибо тебе, соседка! Где ты его взяла?

— Здравствуй, Ванечка! Понимаешь, возвращаюсь я из магазина, а он сидит у твоей квартиры, такой потерянный и брошенный всеми. Я постучала в дверь, на мой стук вышла твоя мама и сказала, что его, наверное, ангел принес, и вот мы здесь. Извини, пожалуйста, но его абсолютно некуда девать. Ты же знаешь, у нас Марта, она сторожевая немецкая овчарка и может запросто съесть этого малыша, — оправдывалась Надя как-то тихо и неуверенно.

— Ангел, говорите, принес?! Выдумщица ты, Надька! Знаю я этого ангела. Ну что ж, пусть живет собакин! А назовем мы его и взаправду — Ангелом, — сказал Ваня, засмеялся, сел на кровати, прижал щенка к груди, а затем пошлепал в ванную, с одеялом под

мышкой и щенком на руках.

С этого дня Ваня начал быстро поправляться и стал неразлучен с Надей и Ангелом.

Незаметно подкрался конец августа, и Ивану пора было приступать к отработке пропущенных в прошлом мае практических занятий по акушерству. Через неделю его курс поедет на картошку, а Ване предстояло ходить на занятия в родильный дом № 7, что располагался на Арбате.

В 1913 году известный московский хирург Петр Дмитриевич Соловов, взяв в долг деньги у всех своих многочисленных друзей и знакомых, купил в Москве, на Большой Молчановке, кусок земли и построил на нем клинику. Однако началась Первая мировая война, и Петр Дмитриевич добровольно передал свою больницу под военный госпиталь. Потом здание реквизировали большевики и открыли в нем, по предложению известного тогда на весь мир акушера Григория Львовича Грауэрмана, родиль-

ный дом, который и носил с тех пор его имя.

Ваниной практикой должен был руководить старинный друг его отца Анатолий Федорович Зыков. Анатолий Федорович был мужчиной крупным, сильным, но необычайно заботливым и мягким. В те редкие дни, когда он приезжал в Никольское к своему другу Михаилу Михайловичу Герцеву, Елена Андреевна, Ванина мама, всегда смотрела на него с обожанием.

— Бабник ты, Толя, — глядя на свою ополоумевшую жену, говаривал Герцев-старший, наполняя Зыкову очередную рюмку.

— Я, Мишенька, не бабник, я защищаю женщин — значит, я защитник. А все защитники работают где? В органах. Только одни в верхних, а другие — в нижних! Ха-ха-ха... — весело каламбурил акушер.

Вот к своему будущему наставнику, доктору Зыкову, и направился Иван в последний понедельник августа. Подошел к четырехэтажному зданию роддома, дернул за ручку массивной двери и очутился в прохладном вестибюле. Пыль, пожухлая московская листва, трава и шум остались за этой дверью. Внутри было необычайно тихо, прохладно и хорошо! Симпатичная молодая женщина в белом халате пропустила парня в святая святых больницы, куда не могла ступить нога постороннего человека, — в родильный блок, где в ординаторской Ваня и нашел Анатолия Федоровича. Тот сидел за столом в мокрой операционной пижаме, без шапочки, с всклокоченными волосами, и жадно пил чай.

— Привет, боец! В моем полку прибыло! И мне полгегче будет, а то совсем легчи бабы меня замучили! Как горох с неба сыплются, двадцать родов за ночь, из них одна с кесаревым сечением, да еще пьяную цыганку привезли под утро. Представляешь, устроилась рожать на скамейке Суворовского бульвара. Вот так-то, братец! Так что чайку попьем — и опять на передовую! Люся, Люся! — позвал Анатолий Федорович. В ординаторскую тут же вбежала круглая, как колобок, но очень подвижная женщина. — Вот это Людмила Петровна, лучшая наша акушерка, она будет для тебя, Иван Михайлович, учителем и богом. Слушайся ее во всем! Люсенька, это наш новый студент, почти доктор и сын моего старинного друга. Переодень его в операционный костюм, покажи, где у нас что, и проводи в родильный зал. Только присматривай за ним, чтобы наши будущие мамочки его не помяли и не побили ненароком, и пусть не лезет никуда. Пусть сегодня привыкает и наблюдует! Да, чуть не забыл, вот тебе ключ от моего кабинета, там переоденешься и в туалет будешь ходить! А то, извини, у нас раздевалки и туалеты исключительно женские. Помню, у нас подрабатывал санитаром хороший парень, студент, так он, стесняясь ходить здесь в женский туалет, почти год бегал в сортир ресторана «Прага», у него там дед швейцаром работал...

Людмила Петровна взяла в подсобке у сестры-хозяйки белый операционный костюм и тапочки для Гер-

цева-младшего, проводила его в кабинет профессора Зыкова, а потом повела в родильный зал. В коридоре двери в предродовые палаты были открыты, оттуда доносились женские крики, рычание, визг, брань и ругательства вплоть до отборного русского мата. Ваня побледнел и стал двигаться как-то неуверенно.

— Иван Михайлович, вы не волнуйтесь так, стойте рядом со мной, если станет трудно дышать, понюхайте нашатырного спирта, — сказала Людмила Петровна, крепко схватив парня за руку и протянув ему пузырек с нашатырем.

Так Иван с Людмилой Петровной добрались до дверей родильного зала. Парень глубоко вздохнул и шагнул вперед. В большом помещении, облицованном белой керамической плиткой, стояли специальные родильные столы с держалками для ног рожениц, на двух из них лежали рожаящие женщины. Хотя эти две красные, визжащие и хрипящие «горы», по ногам которых лилась бурая жидкость, состоящая из мочи, кала и крови, назвать сейчас женщинами было очень трудно. Ваня прижался к прохладной плитке стены и понюхал спасительный флакончик, в голове сразу прояснилось.

— Люська, зараза, где ты ходишь? Не стой столбом, не видишь, у мамочки вторичная родовая слабость! — прорычала крупная усатая дама в белом халате. — Хватай простыню с другой стороны и давай ей помогать! — Она бросила конец белого полотнища Людмиле Петровне, и обе акушерки стали с силой тянуть скрученную жгутом простыню вниз

от груди к ногам роженицы, пытаюсь выдавить из ее чрева плод. — А ты чего стоишь, практикант хренов, мужик же! Ложись поперек роженицы и дави вниз, помогай нам! Ну, все вместе потянули, так, хорошо, еще раз потянули, так, хорошо! Стоп! Показалась головка плода! Теперь аккуратненько, освободили головку младенца, так, одно плечико, второе! Молодцы! У, здоровяк какой, килограмма четыре будет! Да не молчи ты, пацаненок, не молчи! — кричала усатая акушерка, хлопая новорожденного по попе.

— Уа, уа, уа, — младенец заплакал, задвигав руками и ногами.

— Мапочка, слышите меня, сын у вас родился, богатырь! Держи пацана, студент, а то он крупный и сильный, глядишь, убежит! Ха-ха-ха... Придется делать ручное отделение последа, да и порвалась женщина сильно, шить ее надо. И немудрено, сама маленькая, а мальчишку родила — вон какого огромного. И чем эти девки-малыжки думают только, когда за здоровенных мужиков замуж выходят. Со всем не понимают, что, рожая им таких же больших детей, сами погибнуть могут. Слава богу, вот и Анатолий Федорович вовремя подоспел, — с облегчением закончила усатая.

— Ну, везучий ты, Иван Михайлович, я смо- трю, с ходу в передрыгу уг- дил. Готовь инструменты, Люся, а ты, Иван, стань рядом с роженицей и держи ее за руку, причем с нежностью и любовью. Поработа- ешь у меня сейчас «нарко- зом», — подбадривал всех профессор Зыков, а потом

очень медленно ввел в зия- ющую дыру в промежности женщины свою правую кисть и, осторожно подтягивая пуповину левой рукой, из- влек почти круглую губчатую лепешку-послед. — Так, Люся, разверни и проверь детское место. Люся разгладила послед руками и, вниматель- но осмотрев, молча кивнула акушеру.

— Вот и хорошо, а кро- вотечение-то все равно силь- ное, атония матки. Ну что ж, будем делать массаж матки на кулаке. Смотри, Иван, и запоминай: аккуратно вводишь руку в полость мат- ки, наполняешь свое сердце нежностью и любовью, всю ее загоняешь из своего серд- ца в матку роженицы, а сверху массируешь брюшную стенку женщины, и так до тех пор, пока матка не отреагирует на твою мужскую любовь и не обхватит твой кулак, и только потом, аккуратно, но доста- точно быстро, руку выско- баждаешь. А то у меня был случай, когда одна, вероятно, очень страстная дама мою руку из полости своей мат- ки выпускать отказывалась. Пришлось глубокий эфирный наркоз давать для расслабле- ния ее маточной мускулатуры, чтобы спасти мой кулак из плена. Вот и ладушки, кровоте- чение уменьшилось, будем шить. — Анатолий Федорович накладывал швы аккуратно, как косметолог. — Всегда шей промежность, Ваня, акку- ратнее, чем лицо. Это по- рой у женщины наиважнейшее место. А ты, Иван Михайлович, сегодня был большим умницей. Не испугался и спас две жизни. Так что доставай приклад из своего врачебного окопа и де-

лай две зарубки. Хватка у тебя есть, ты ведь из семьи военных хирургов, а родильный зал — это вечный окоп на передовой! Акушер — самая что ни на есть мужская работа. Женщи- ны-акушеры хорошие врачи, но боли своих пациенток не чувствуют, а мы, мужчины, ощущаем эту боль и защища- ем женщин! Вот так-то, сы- нок! А ты знаешь, что я слышу крик каждого младенца в этом роддоме, а мамочки спят прекрасно и просыпаются только на крик своего ребен- ка... — профессор Зыков говорил и говорил, стараясь снять у окружающих напряже- ние после стресса.

В какой-то момент Ваня пе- рестал его слышать и впал в со- стояние безотчетного блажен- ства. Он четко осознал, что сейчас перед его глазами про- изошло чудо! Родился человек! Выполз из зияющего чрева! И у него были такие маленькие пальчики на ногах и руках, они шевелились! «Такой малень- кий, а уже настоящий человек! Как же это происходит, кто его создал — это же немыслимо! Права моя мама! Такое может сотворить только Бог!» — ду- мал Герцев-младший.

— Ну что, Иван Михайло- вич, с боевым крещением тебя, врачебная работа окончена, пойдем чайку попьем и обсу- дим план твоих практических занятий! — завершил Анатолий Федорович. — Не волнуйся, акушерки здесь все остальное сами закончат, — добавил он, уловив вопрос во взгляде Ивана.

Четыре недели Ваниной аку- шерской практики пролетели очень быстро, и он даже стал подумывать, что, возможно, быть акушером — это и есть

его врачебное призвание. Он сутками пропадал в род-
доме на Арбате. Во время
его дежурств Надя кормила
Ангела и гуляла с ним. В те
редкие вечера, когда Иван не
дежурил, они гуляли по Мо-
скве втроем. Стояло бабье
лето. Щенок подрос и наотрез
отказывался есть и выходить из
квартиры Герцевых на прогул-
ку с Иваном без Нади.

— Вот так номер, собакин
так привык к тебе, Надька,
что совсем не хочет без тебя
жить и даже скулит по ночам,
все время бегает к входной
двери, будто боится пропу-
стить встречу с тобой. Если
так пойдет дальше, то мне
придется на тебе женить-
ся! — как-то в один из таких
вечеров пошутил Иван, сидя
рядом с девушкой на скамейке
во дворе их дома.

— А почему бы и нет! — се-
рьезно ответила Надежда, но
потом добавила: — Разве я не
красавица и умница, да еще из
хорошей семьи, и приданое за
мною дадут неплохое! Отка-
жешься — выйду замуж за
Ангела, ведь это он не может
жить без меня, а не ты.

«А ведь Надя права, она
отличная девчонка, верный
друг, все понимает, ни о чем
не спрашивает. Глаза краси-
вые, и завитки волос на шее
очень нежные», — подумал
Иван и неожиданно для себя
самого наконец-то решил-
ся и поцеловал девушку в губы
долгим поцелуем.

В тот вечер они целовались
на скамейке на виду всего
двора часа два, а Ангел тер-
пеливо сидел рядом и охранял
их любовь. Анастасия Петров-
на и Елена Андреевна наблюда-
ли эту сцену каждая из своего
окна, тихонько вытирая слезы.

Потом Елена Андреевна ото-
рвалась от подоконника и по-
дошла к Михаилу Михайловичу,
работавшему в кабинете над
своей монографией.

— Знаешь, Миша, наш
Ванька выздоровел, и, кажет-
ся, у них с Наденькой скоро
будет свадьба. Так что я еще
внучку поняну, — проговари-
ла она, присаживаясь в глубо-
кое кресло у книжного шкафа.

— Почему внучку?! Внука,
конечно, у нас, у Герцевых,
только мальчишки рожда-
ются. Так что извини. А где
наш старый патефон? Почему
бы и нам с тобой не устрои-
ть танцы, а заодно ты мне
про будущие Ванькины планы
расскажешь! — вскочил вмиг
помолодевший Герцев-стар-
ший, завел патефон, поста-
вил пластинку с любимым
фокстротом и закрутил в танце
жену.

А за окном бабье лето
расплескало рыжее золото по
листве и георгинам.

13. ЯНА

В середине февраля, пе-
ред масленичной неделей,
Иван и Надя поженились.
Свадьбу играли в квартире
Грибковых, а вот жить реши-
ли у Герцевых, поскольку ста-
рая немецкая овчарка генера-
ла Марта на дух не переносила
Ангела. Надежда заканчивала
журфак МГУ, а Ваня учил-
ся на пятом курсе Первого
Меда и много дежурил в род-
доме на Молчановке.

Однажды, в середине
апреля, когда Москва уже
отмылась от зимней гря-
зи, распустились несмелые
листочки и проклюнулась
зеленая трава на газонах и в
парках, Герцев-младший де-

журил в родильном блоке.
Он всегда старался рабо-
тать в смену профессора Зы-
кова, которого считал своим
учителем и наставником. Де-
журство выдалось на редкость
спокойным, Ваня сидел с аку-
шерками в сестринской и пил
чай с тортом. Как вдруг дверь
распахнулась и в комнату вле-
тела санитарка тетя Вера:

— Сидите здесь, чаи го-
няете, а там женщину при-
везли в приемный покой.
Она в душе моется, а никого
рядом нет. Клавка, дежурная
акушерка, дрыхнет на топча-
не! А женщина в родах, у нее
даже ручка плода из влагали-
ща выпала!

Всех пьющих чай как ветром
сдуло. Людмила Петровна,
Иван и еще три акушерки
пулей понеслись вниз по лест-
нице в приемный покой. И дей-
ствительно, в душе мылась
большая пузатая фигура, вни-
зу у нее угадывались контуры
некоего образования, которое
вполне можно было принять за
ручку плода. При этом было
необычайно тихо: ни стонов,
ни криков. Фигура, намы-
ливая голову, повернулась
лицом к вбежавшей и застыв-
шей в ужасе компании и мирно
пробасила:

— Вы что, девки, со-
всем с ума сошли, чего при-
перлись, спинку мне потереть?
Не знаете, что ли, что мужско-
го душа в нашем роддоме нет!

Анатолий Федорович, а это
был именно он, как ни в чем
не бывало развернулся спи-
ной и продолжил мочалкой
тщательно натирать плечи.
Сцена была настолько комич-
ной, что все сложились попо-
лам от еле сдерживаемого
хохота и выскочили, как ошпа-
ренные, из приемного покоя.

— Ну тетя Вера, ну слепая курица! Я тебе это еще припомню! — смеялась Людмила Петровна, подымаясь по лестнице обратно в родильный блок. — Ой, не к добру, девочки, мы сегодня столько смеемся, чувствую, будет скоро полная задница!

Анатолию Федоровичу этой ночью сильно не здоровилось. Его знобило — похоже, начался приступ малярии, которую он подхватил лет двадцать тому назад, еще мотаясь в командировки в Среднюю Азию, где налаживал систему родовспоможения. Хотел поменяться дежурством с коллегой, да как-то не сложилось. Профессор Зыков принял достаточно большую дозу акрихина, но лучше не становилось. Сильно морозило. Спустил-

ся в приемный покой — никого. Решил согреться под душем. Под струями горячей воды ему стало легче, да и посмеялся вдоволь с медперсоналом над самим собою, уж больно комичные рожи были у дежурной смены, когда они узнали его в душе. Вот и пойдет теперь анекдот гулять по свету.

После душа Анатолий Федорович опять принял лекарство и залез под одеяло на диване в своем кабинете. Под утро раздался стук в дверь:

— Анатолий Федорович, вставайте, там молодую женщину привезли. Поперечное положение плода! Кесарить надо срочно!

Зыков моментально проснулся и вскочил:

— Сейчас, Люся, подымайте женщину сразу в операцион-

ную! Пусть все готовят к операции! Ассистировать мне будете ты и Иван.

С Людмилой Петровной профессор работал уже двадцать лет и полностью доверял ей. Если Люся сказала: «Надо срочно делать операцию» — значит, так оно и есть, и терять время на осмотр роженицы в приемном покое нет смысла. Но голова у доктора болела еще сильнее, и почему-то периодически темнело в глазах.

Иван помыл руки и подошел к операционному столу, он не впервые ассистировал профессору Зыкову при операциях. Лица роженицы не было видно, его закрывала небольшая шторка. Ваня привычно обработал операционное поле у пациентки раствором

йода, закрепил держалками стерильные простыни и начал послойно делать новокаиновую блокаду нижнего сегмента передней брюшной стенки. Подошел Анатолий Федорович, взял скальпель и начал делать разрез. Но вдруг закрыл глаза и замотал голову:

— Люся, я ничего не вижу, проклятый акрихин — это от него произошла временная потеря зрения. Так, без паники, Иван, ты будешь моими глазами и руками. Не бойся, ход операции ты знаешь, да и Люся тебе поможет! Подай ему, Люся, второй скальпель. Ваня, начинай послойно рассекать

ткани, не забывай по ходу зажимать сосуды. Что видишь сейчас?

— Переднюю стенку матки, — ответил Иван, закончив отделять апоневроз.

— Так, спокойно, молодец, теперь делай небольшой разрез поперек матки, вводи в него пальцы, только очень осторожно, найди ножку плода и поворачивай за нее младенца. Нашел? Не волнуйся, действуй очень аккуратно, не повреди малыша! — уверенным голосом давал Ивану указания Анатолий Федорович.

Герцев-младший вошел пальцами в полость матки и на-

чал осторожно ощупывать младенца. «Господи, помоги мне, Господи, помоги найти эту ножку и не перепутать ее с чем-нибудь другим!» — молился про себя Ваня. Пальцы хирурга нащупали твердую пяточку, Иван повернул плод и извлек на свет божий крохотную девочку, которая так больно своими кулачками схватилась за его палец, что он даже вскрикнул. Ваня передал новорожденную подоспевшей акушерке и перерезал пуповину...

Продолжение следует.
США

